

«Свой среди чужих»: к вопросу об адаптации заимствований (на материале современного польского языка)

© кандидат филологических наук *О.О. Лешкова, 2009*

1. В качестве одного из наиболее показательных явлений, характерных для нынешнего состояния современных славянских языков, исследователи достаточно единодушно выделяют активизацию процесса заимствований иноязычных элементов (в первую очередь из английского языка), резкое увеличение удельного веса иноязычных лексем в словарном составе славянских языков (в том числе и польского), что связывается с глобальной тенденцией интернационализации современных языков. Процессы, являющиеся результатом действия этой тенденции, стали предметом пристального интереса лингвистов и объектом многочисленных общих и частных исследований, которые позволили сделать выводы о том, что столь масштабное в количественном отношении явление привело к значительным изменениям качественного характера в языковой системе; масштабность, лавинообразный характер «нашествия» иноязычных лексем в польский язык позволили говорить о явлении языковой «ксенофилии» – своеобразной моде на иноязычные элементы, чему в немалой степени способствуют такие процессы, происходящие в современном польском языке, как расширение (смягчение, усиление толерантности) языковой нормы, существенная колоквализация языка (широкое проникновение элементов разговорного стиля в тексты различной функционально-стилистической принадлежности), очевидная «медиаизация» современной языковой практики (укрепление ведущих позиций языковых образцов и структур, выступающих в СМИ (mass media) и, благодаря этому, воздействующих на языковое поведение среднего носителя польского языка). А поскольку современные СМИ находятся под сильнейшим влиянием западных (чаще всего американских) образцов, то это как следствие приводит к усилению интернационализации или «окцидентализации» («озападничивания») современного польского языка. И все это в комплексе приводит к большой свободе в обращении с языком, к изменению системного и функционального статуса заимствований и целому ряду частных языковых явлений, новых для языка и требующих анализа и оценки.

2. К качественным, принципиальным последствиям наплыва иноязычных элементов относится не только значительное увеличение числа готовых лексических единиц. То есть возрастание числа заимствований не ограничивается лишь сферой собственно лексической, речь идет и об активизации словообразовательных морфем иноязычного происхожде-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

ния, в первую очередь, префиксов греческого и латинского происхождения (типа *ultra-, hiper-, super-, ekstra-, mega-, mini-, makro-, post-* и под.), образовании сложных слов со связанными или усеченными корневыми иноязычными элементами (формации с *euro-, eko-, agro-, neo-, tele-, video/wideo-* и др.), появлении новых словообразовательных моделей (с такими элементами, имеющими спорный статус, как *-gate, -holik*), расширении периферийных ранее структур (напр., образование сложносокращенных слов без интерфиксации типа *inwestbank, specustawa*), резкое возрастание гибридных структур (объединение в рамках одной лексемы морфем польского и иноязычного происхождения, напр., *menedżerka, ciucholand*). Все это естественно порождает вопросы о том, как в контексте отмеченных явлений выглядит проблема вхождения заимствований в новую (в данном случае – польскую) языковую систему, изменяется ли в этих условиях процесс адаптации заимствований, каким образом становится «чужой» элемент «своим» в новой для него языковой системе, что в нем меняется или, может быть, система подстраивается под него так, что он перестает восприниматься как «инородное тело»?

3. Как известно, заимствованный элемент, попадая в принимающий язык, подвергается адаптации на разных языковых уровнях, он (этот элемент) приспосабливается фонетически, графически, морфологически, синтаксически, проходит определенную семантическую обработку.

3.1. При массовом характере заимствования процесс адаптации иноязычных элементов происходит ускоренно, в результате чего не происходит (как это было раньше) постепенной стабилизации графического облика каждого элемента, а одновременно функционирует несколько равноправных графических вариантов. Очень часто мы имеем дело с окказиональными заимствованиями, окказиональными образованиями на базе заимствований, которые не подвергаются кодификационной обработке, а их фиксация в неографии носит регистрирующий характер, а не предписывающий, поэтому обычно там приводятся все встретившиеся в текстах варианты (напр., *bounce//bauns, wideo//video, brand//brend//brendować; oldschool//oldskul; jazz//dżez*), то же касается и раздельного/слитного написания и употребления дефиса (*businesswoman //bizneswoman //biznes-woman; sexshop //sex-shop //seks-shop; rock music //rock-music//rock muzyka*). Подобная вариативность наблюдается и в отношении фонетического освоения заимствований. В случаях сохранения исходного написания носитель польского языка не всегда знает, следует ли слово читать по правилам языка-источника или по правилам польского языка. Чтобы избежать такого расхождения польские языковеды склоняются к тому, чтобы пропагандировать польскую орфогра-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

фическую версию иноязычных слов (*dyskdżokej, diler, dżojstik, lancz*¹), однако поскольку в прессе тем не менее все-таки обычно употребляется оригинальная графика, то проблема остается, и, таким образом, в языковой практике носителей языка заимствования создают определенную «точку напряженности».

Говоря о фонетическом аспекте заимствований, следует также отметить, что вхождение в польский язык большого числа иноязычных лексем, да еще сохраняющих свое оригинальное написание, что вынуждает носителей языка пытаться воспроизводить их оригинальное звучание, приводит к появлению фонетических заимствований (появлению иноязычных элементов в собственно фонетической системе языка). К ним польские исследователи относят появление начальных придыхательных [k][ɔ], новых шипящих [č, š, ž], напр., в *czipsy, cinquecento*, расширение представленности полумягких переднеязычных [s', z', t', d']: *dżusi*.²

3.2. В соответствии с многовековой традицией даже самые новые заимствования, как правило, включаются в польскую словоизменительную систему, если их строение этому не препятствует (*developer, -a, developerzy; monitorig, -u*). В зависимости от формальных характеристик заимствований и установления подобия или аналогии с определенными польскими формальными типами единиц у заимствований могут закрепляться и неполные парадигмы разного рода (ср. грамматические пометы в словарях: *legginsy, -blp; puzzle, - tylko lmn*, ср. *spodnie, kregle; make-up, -blm*, ср. *makijaż*). в польском языке существуют также устойчивые регулярные способы адаптации (оформления) определенных типов заимствований (напр.. элемент *-tion* заменяется на *-cja*, и лексема получает словоизменительную парадигму по женскому типу; иноязычные слова на *-ist* оформляются флексией *-a* и включаются в словоизменительный тип «*poeta*»). Регулярными являются случаи, когда при заимствовании исходная форма множественного числа переосмысливается как форма единственного числа, и лексема дополнительно оформляется польскими показателями множественного числа, напр.. *torys – torysi; drops – dropsy*; из новых примеров: *blockers – blokersi; Platformers – Platformersi*; ср. употребление первого элемента пары в контекстах, которые однозначно свидетельствуют о восприятии этой формы как един. числа: „*czy na sali jest choćby jeden Platformers?*”; „*postępowy Platformers*”; „*kolejny Platformers złapany na kłamstwie*” (из интернета).

¹ *Markowski A.* Jawne i ukryte nowsze zapożyczenia leksykalne w mediach // *Jezyk w mediach masowych* / Red. *J. Bralczyk, K. Mosiolek-Klosinska.* Warszawa, 2000. S. 98

² О масштабе явления может свидетельствовать достаточно эмоциональный комментарий А. Марковского по поводу звука *czy* „*chyba jeszcze nie fonemu!*” (= «все-таки еще не фонема!») – Указ. соч. С. 97.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Нетипичное для польского языка строение (или фонетический облик) заимствования может препятствовать морфологической адаптации, и в этом случае возможны примеры неизменяемых или морфологически неоформленных единиц (*yurpie, porno, logo*). Однако «чуждость» формального облика не является непреодолимым препятствием: в более свободном регистре языка – в разговорном языке, в текстах интернет-блогов – изменимость заимствований представлена более широко («*usuwać loga*»). Кроме того, возможно видоизменение, преобразование исходной формы заимствования – путем усечений каких-то исходных элементов и/или добавлений польских аффиксов, что позволяет такому иноязычному элементу легко встраиваться в польскую словоизменятельную систему, ср. *randka, szmizjerka, bagietka* (← *un rendez-vous, une baguette, une chemise*), из новых образований: *beforka, afterka/beforek, afterek; referka; cdik (cidik)* (← *before party, after party, CD*). Эти примеры показывают, как может происходить своего рода «растворение» заимствований в польской языковой системе, причем преобразования могут быть столь существенные, что даже бывает трудно восстановить исходную заимствованную лексему (*debeściak* ← *the best; wtopa* ← *faux pas; lyskacz* ← *whisky*).

Появление же аффиксально не оформленных лексических элементов, функционирующих в качестве прилагательных (*muzyka techno, kaseta wideo*), является одним из ярких (и новых) проявлений влияния на польскую морфологическую систему иноязычных образцов, поскольку происходит расширение явления неизменяемости и, таким образом, в определенной степени намечается ослабление флективного характера польского языка.

Что касается глагольных заимствованных основ, то они вообще не могут быть включены в польскую морфологическую систему без предварительной обработки. Адаптация глагольных заимствованных основ осуществляется в рамках парадигматической деривации, показателем которой является преимущественно формант *-ować*: *biznesować, twistować, punkować, sponsorować, klonować*. Следующим этапом адаптации таких основ является приобретение возможных префиксальных формантов (*zrewaloryzować, wyemitować, podfermentować, sklonować*); возможно и суффиксальное развитие основы (*mailnąć, kliknąć, urentownić*). Таким образом глагольные основы одновременно включаются и в грамматические видовые соотношения.

3.3. Словообразовательный аспект адаптации заимствований был исследован и описан в польской лингвистике достаточно подробно. Здесь можно сослаться на работы К. Вашакowej, Х. Ядацкой, З. Рудник-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Карватовой. Х. Мечковской³, где исследуются как частные явления, связанные с этим процессом, так и совокупность влияний корпуса заимствований на всю систему польского словообразования.

Здесь можно говорить о двух типах явлений: с одной стороны, о собственно словообразовательной адаптации заимствованных лексем, их функционировании в качестве словообразовательных основ, центров вновь образующихся словообразовательных цепочек и гнезд, напр., *etos* → *etosiarz*, *etosowiec*, *etosiarstwo*, *etosowy*, *etośnik*; *glob* → *globalny*, *globalizm*, *globalista*, *globalizacja*, *globalizować*, *zglobalizować*. Таким образом, словообразовательная адаптация заимствований проявляется, в частности, в их словообразовательной активности. Причины этого процесса очевидны: возникает новое явление, о нем надо говорить, описывать разные аспекты его функционирования, поэтому возникает целое гнездо слов на базе использования существующих в языке словообразовательных механизмов и техник. Можно выделить особо активные словообразовательные узлы в лексической системе, формирующиеся вокруг так называемых ключевых слов, то есть наиболее важных, содержательно нагруженных с точки зрения современной жизни и цивилизации, находящихся в центре общественного внимания (ср., напр., *lobby* → *lobbista*, *lobbować*, *lobbing*, *lobbingowy*, *lobbowy*, *lobbowanie*, *lobbowany*, *przelobbować*; *makler* → *maklerski*, *maklerstwo*; *lustracja* → *lustracyjny*, *lustrować*, *złustrować*, *lustrator* и под.)⁴, и заимствования среди них представлены в большом числе. Такие процессы, приводящие к появлению новообразований на разных ступенях деривации, оживляют польское словообразование. В таких гнездах можно наблюдать взаимодействие самых разнообразных словообразовательных средств, и собственно польских, и заимствованных.

Второй аспект словообразовательной адаптации заимствований связан с функционированием словообразовательных формантов иноязычного происхождения. Проведенные исследования словообразовательной системы польского языка на разных этапах его развития⁵, изучение основных тенденций развития современного польского языка показали, что иноязычные по происхождению аффиксы являются одними из самых активных словообразовательных компонентов в современном

³ См. в частности: *Waszakowa K.* Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005; *Rudnik-Karwatowa Z.* O najnowszych tendencjach w słowotwórstwie słowiańskim (na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego) // *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich / Prace slawistyczne 114.* Warszawa, 2003; *Jadacka H.* System słowotwórczy polszczyzny (1945-2000). Warszawa, 2001; *Mieczkowska H.* Oddziaływanie zapożyczeń na system słowotwórczy języka (w ujęciu słowacko-polskim) // *Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.* Warszawa, 2007

⁴ *Waszakowa K.* Op. cit. S. 198-208.

⁵ *Jadacka H.* Op.cit.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

польском языке. Не было отмечено факта появления в последние десятилетия новых суффиксов, но несомненна активизация старых заимствованных формантов, таких как *-cja, -ista, -izm, -ent, -ada* и др. Как новое явление квалифицируется усиление именной префиксации (в словообразовании имен существительных и прилагательных) с участием преимущественно заимствованных префиксов (*anty-*: *antyfeminizacja, antysport, antysnobizm, antywałęszizm; antyolimpijski, antyzwiązkowy, antypoślizgowy; mini-* : *miniesej, miniprzedszkole, minikomputer; super-*: *supergwiazda, superprzedsiębiorstwo; mikro-* : *mikroświat, mikrokaseta, mikroprocesor* и др.). Инновацией в современной польской словообразовательной системе является экспансия формаций, мотивированных двумя основами, то есть образование сложных и сложносокращенных слов. Такие дериваты, «воспринимаемые в послевоенный период как чуждые польскому языку структуры из русского и немецкого языков, являющиеся наиболее частыми неологизмами среди образований последних десяти или даже двадцати лет»⁶. К таким образованиям относятся формации с элементами *auto-* I, II, *agro-*, *bio-*, *elektro-*, *foto-*, *neo-*, *euro-*, *narko-*, *porno-*, *seks-*, *tele-*, *-gate* и др.

В ряду новых явлений отмечается и активное развитие парадигматической деривации и деривационных техник, использующих усечения основ, охватывающее как исконные, так и заимствованные лексемы, напр., *mikrofala* ← *mikrofalówka*, *klaska* ← *klasówka*, *wokal* ← *partia wokalna*, *dokument* ← *film dokumentalny*, *kolabor* ← *kolaborcjonista*, *dement* ← *demencja*. Причем заимствованные лексемы (иными словами, генетически непроизводные) при вхождении в систему польского языка, в синхронные мотивационные соотношения лексем переосмысляются и занимают в словообразовательной системе место таких безаффиксных (часто – универбизованных) дериватов, напр., *laser* ← *drukarka laserowa*, *satelita* ← *telewizja satelitarna*, *metalik (kolor)*, *implant*, *kompakt* и под., тем самым увеличивая удельный вес формаций этого типа.

3.4. Важной чертой современной польской словообразовательной системы является наличие большого числа гибридных структур, объединяющих в себе элементы исконно польские и иноязычного происхождения. Еще не так давно они получали отрицательную квалификацию польских лингвистов как нарушения закономерностей функционирования польской словообразовательной системы⁷. Активизация данного процесса, массовость явления гибридизации новой лексики заставляет по-иному взглянуть на эти факты. В контексте проблемы адаптации

⁶ Там же, с. 138.

⁷ Ср., напр., оценку такого образования, как *pielegn* – *acja*: *Walczak B. Między snobizmem i modą a potrzebami języka, czyli o wyrazach obcego pochodzenia w polszczyźnie. Poznań, 1987. S. 80.*

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

иноязычных словообразовательных элементов такие образования, как *fotopowielacz*, *komputeropis*, *supercena*, *urlopomania*, можно рассматривать как явление, свидетельствующее о более полной адаптации заимствованных формантов, о более полном (равноправном) вхождении их в словообразовательную систему принимающего языка.

Факты, свидетельствующие о существенном воздействии иноязычных элементов и структур на словообразовательную систему польского языка, позволяют говорить о том, что интернационализация лексики является фактором, который облегчает (а иногда и заставляет) вводить в словообразовательную систему польского языка многие модели соединения слов, чуждые природе польского языка (в частности создание словообразовательных структур без участия каких-либо материально выраженных деривационных средств: *Sopotfestiwal*, *speckomisja*, *aktivpiana*)⁸. Х. Мечковская также подчеркивает, что лавинообразный наплыв заимствований вызывает то, что они становятся образцом при создании новых лексических единиц на польской почве, приводя к изменению традиционных деривационных техник; в результате этого изменяется общая картина словообразования польского языка – намечается отход от суффиксального словообразования к безаффиксному, не типичному для языков флективного типа. Таким образом флективный характер польского языка ослабляется за счет массового прироста аналитической лексики, и «все это приводит к общим преобразованиям в рамках грамматической структуры языка – от флексии к агглютинации и аналитизму»⁹.

Не подвергая сомнению обоснованность таких глобальных оценок наблюдаемых явлений, хочется тем не менее подчеркнуть, что, как правило, в языке взаимодействуют разнонаправленные тенденции и не должны оставаться без внимания и факты частого и достаточно свободного соединения заимствованных основ с польскими словообразовательными показателями. Эти факты, а также активность экспрессивного словообразования в польском языке, поддерживающие продуктивность исконно польских аффиксов, не позволяют однозначно признать победу лишь одной линии развития, ведущей к полному подчинению польской словообразовательной системы чуждому влиянию. Как пишет Х. Ядацкая¹⁰, наличие в даже в столь сильно интернационализированной терминологии, как компьютерная, таких дериватов, как *programowanie* (а не *programacja), *konfigurowanie* (а не *konfiguring), *kliknięcia* (а не *kliking), а можно еще добавить – замещение первично заимствованных терминов *sejfować* на *zapisać*, *printer* на *drukarka*,

⁸ *Jadacka H.* Op.cit. S. 43.

⁹ *Mieczkowska H.* Op. cit. S. 153-154.

¹⁰ *Jadacka H.* Op.cit., S. 152.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

kseroks на *kopiarka*, позволяет более оптимистично взглянуть на перспективы сохранения и развития активности исконно польских слово-образовательных элементов.

4. Вопрос об адаптации заимствований в языке имеет также и лексико-семантический и функциональный аспекты. Что происходит со значениями иноязычных лексем в принимающем языке, как они встраиваются в лексическую систему языка, полностью ли они растворяются в ней или факт иноязычного происхождения каким-либо образом влияет на их использование в языке, на восприятие их носителями языка? Тема эта многоаспектная и широкая, хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые моменты.

4.1. Конечно, происходит и лексико-семантическая адаптация, отмечаются процессы сужения, конкретизации значений¹¹. Широко распространено явление неосемантизации более ранних, уже освоенных заимствований. Среди таких неосемантизмов последнего времени отмечаются такие, как *agresywny* в зн. „dynamiczny, bardzo intensywny”, *aplikacja* в зн. „podanie, prośba”, *film* в зн. „cienka warstwa”, *kreatywny* в зн. „twórczy”, *prezydent* в зн. „prezes”; *inteligentny (proszek)*, *kultowy (film)*. Часто на польской почве морфологически освоенные заимствования (снабженные морфемами-«адапторами») приобретают разговорную окраску, не свойственную многозначным и стилистически нейтральным в языке-источнике словам (напр., *to check* → *(s)czekować* „sprawdzać”; *to clear* → *klirować* „objaśniać”).

Заимствования претерпевают различные семантические преобразования, тем не менее важной особенностью процесса их освоения является то, что в силу масштабности, массовости вхождения заимствований в современный язык они сохраняют для носителей языка семантическую неопределенность, являются семантически нечеткими для среднего носителя языка (об этом говорят многочисленные исследования¹²). Этот средний носитель языка часто не умеет идентифицировать все семантические компоненты значения. Следствием этого могут быть различные явления, в частности индивидуальная семантизация заимствования на польской почве, которая проявляется в выделении в качестве базового того или иного компонента значения при нейтрализации всех остальных. Так, напр., контексты со словом «*premedytacja*» демонстрируют выделение из значения, фиксируемого словарями «*obmyślenie i przygotowanie naprzód jakiegoś działania o charakterze ujemnym lub wręcz*

¹¹ См. *Markowski A.* Op. cit. S. 98; *Matuszek B., Stankiewicz P.* Kilka uwag o polszczyźnie internetowej // *Współczesne odmiany języka narodowego.* Łódź, 2004. S. 134-144.

¹² *Markowski A.* Op. cit.; *Małocha-Krupa A.* Słowa w lustrze / Pleonazm – semantyka – pragmatyka. Wrocław, 2003; *Smólkowa T.* Nowe słownictwo w prasie // *Język w mediach masowych* / Red. *J. Bralczyk, K. Mosiolek-Kłosinska.* Warszawa 2000.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

zaskakującym; świadomy zamiar, rozmyślne planowanie i przygotowanie przestępstwa», компонента «rozmyślnie, świadomie, w sposób zaplanowany» с потерей негативно-оценочного оттенка: ср. напр. примеры из прессы и интернета „*głupota czy premedytacja*”; „*doświadczenia teatru między improwizacją a premedytacją*”; „*z premedytacją jestem szczęśliwa wszystkim na złość*”; „*jestem singlem z premedytacją*”. Возможно и иное направление семантической избирательности; так, на базе частых употреблений этого слова в контекстах типа «zabójstwo z premedytacją» (=предумышленное убийство как особо тяжкое, жестокое) в значении слова актуализируется лишь один компонент («особо жестокое»), остальные же просто игнорируются, что приводит к появлению таких употреблений, как «*w czasie tej wojny zabijano masowo, bez względu na wiek i płeć, z premedytacją*».

4.2. Следствием семантической неопределенности, отсутствия опоры на существующие уже в системе языка элементы, которые могли бы облегчить процесс правильной семантизации заимствований, являются достаточно распространенные явления смешения паронимических лексем типа *recepja – recesja, adaptować – adoptować, pryncypalny – pryncypialny* или попытки установить мотивационные связи с паронимическими лексемами, когда *populista* связывается с *popularny*, *oportunistą* с *oporem*, глагол *znarkotyzować* с *narkoza*.

4.3. Еще одним следствием подобной семантической размытости заимствований для подавляющего большинства носителей языка становится активное пополнение группы плеонастических сочетаний (типа *niefortunny pech, szczęśliwy happy end, optymistyczne nadzieje, degrengolada moralna, osobista autopsja*). Автор монографии, посвященной плеоназмом современного польского языка, А. Малоха-Крупа отмечает, что хотя семантическая избыточность плеоназмов очевидна исследователю, он вынужден учитывать массовость этого явления и в определенной мере признавать его закономерный характер, а также функциональную востребованность с лингвопрагматической точки зрения. Для среднего носителя языка насыщенные заимствованиями тексты, широко представленные в современных СМИ, становятся непонятными. Он вынужден декодировать их значения, основываясь на интуитивной интерпретации и контекстуализации. Поэтому и появляются и закрепляются в узусе семантически более точные, но по сути избыточные конструкции типа *dalsze kontynuowanie, bilateralne stosunki dwustronne, potencjalne możliwości, przychylna akceptacja*. Причем стоит подчеркнуть, что плеонастические конструкции нередки даже в текстах, написанных филологами, а некоторые подаются и в словарях, напр., в Универсальном словаре дается сочетание «*łagodny zefirek*» (ср. „zefir” – łagodny wiatr). Важно обратить внимание на изменение интерпретации таких сочета-

ний польскими лингвистами, на изменение их статуса, что позволит проследить изменения в требованиях языковой нормы и учитывать это при обучении польскому языку.

4.4. Еще одна сфера, где можно отметить особую функциональную активность заимствований, – это использование их в качестве окказиональных и устойчивых эвфемизмов. В этом случае эвфемистический характер употребления таких лексем, как *recesja, eskalacja, likwidacja, liberalizacja cen, korupcja*, также объясняется семантической нечеткостью (для носителя принимающего языка) и диффузностью семантики заимствованных лексем.

4.5. Итак, попадая в систему чужого языка, заимствования проходят разнообразные процессы адаптации к ней (и в ней), приспособления к новым условиям существования, либо подстраиваясь под требования, налагаемые этим языком, растворяясь в нем, становясь «своим», либо подстраивая эту систему под себя, навязывая ей свои «правила игры». Но тем не менее контраст «свой – чужой» частично сохраняется и также может быть функционально востребован. Примером может быть поведение заимствованных лексем и структур в тех сферах языка, которые рассчитаны на языковую игру, креативность, индивидуальное языковое творчество, в частности, это можно наблюдать в молодежном сленге, в языке прессы и интернета, где элементы иностранных языков, заимствования представлены особенно широко, куда иноязычная лексика и структуры проникают особенно легко и даже целенаправленно. Появление гибридных образований, окказиональная адаптация любых иноязычных элементов здесь наблюдается особенно широко. Проиллюстрировать это можно материалами, представленными в новейших описаниях польского молодежного сленга¹³ и работах, посвященных языковой креативности¹⁴. Так, несомненной высокой степенью экспрессивности и воздействия на адресата обладают такие гибридные окказиональные формации, как *wiochman, euroglina, chłamowizja, echoman* (=подражатель).

В сленге также можно наблюдать действие обеих выделенных нами тенденций поведения заимствований. С одной стороны, видно стремление так преобразовать заимствованный элемент, чтобы он полностью растворился в польском языке, чтобы стереть его «чуждость», напр., *a sound* → *sandomierz*, *sorry* → *sorewicz*, *how much* → *zhaumaczować* („spytać o cenę”), *to chill out* → *wyciłować się*, *thanks* → *dzienks*, *long* → *śluchać longiem* („bez przerwy, non stop”; слово *long* получает оформ-

¹³ *Chaciński B.* Wypasiony słownik najmłodszej polszczyzny. Kraków, 2003; *Chaciński B.* Wyczesany słownik najmłodszej polszczyzny. Kraków, 2005.

¹⁴ В частности см. *Kudra B.* Kreatywność leksykalna w dyskursie politycznym polskiej prasy lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych. Łódź, 2001.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

ление по аналогии с польскими наречиями образа действия типа *ciurkiem*); *cheerleader* → *cheerleaderka/-ki* → *rozgrzewaczki*. Примером легкости морфологического освоения заимствований может стать образование превосходной степени от прилагательного *dzezi* : *najdźeźniejsza*. С другой стороны, языковая игра с заимствованиями проявляется и в том, чтобы, напротив, оформить как иноязычный элемент исконно польское слово или скалькировать польскую структуру средствами английского языка: *jush*, *znoof*, *qumpela*, *svox* (← *spokojny*), который в этой форме становится базой для целой цепочки дериватов: *svoxowu*, *spoksiarski*; *pasuje mi to* → *pasimito*, *pasuje ci to* → *pasicito*. Широко распространен прием шуточного перевода иностранных фамилий на польский язык, напр., *mister Krzak* (← *Bush*), и в то же время может реализоваться и противоположный механизм – перевода (калькирования) польских фамилий на английский (*Jan z Blackforest* ← *z Czarnolasu*), широко применяемый при образовании интернет-ников.

5. Таким образом, сделанные наблюдения над процессами адаптации заимствований в современном польском языке, подтверждают выводы о том, что иноязычные элементы оказывают существенное влияние на перестройку всей системы польского языка, разных ее уровней, но тем не менее внутриязыковые механизмы сохранения языковой самоидентичности способны противостоять деструктивным воздействиям и осуществлять перенастройку системы, извлекая из нового материала все функционально ценное и релевантное.